

**Между Дарго и Гунибом:
деятельность М.С. Воронцова на Кавказе¹**

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Младший научный сотрудник
E-mail: urushadze@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика М.С. Воронцова на Кавказе. Выявляется ее роль в победе над имаматом Шамиля.

Ключевые слова: Воронцов, Кавказское наместничество, Кавказская война.

УДК 94
(470.6)

В русско-кавказских отношениях XIX в. центральное место занимает затяжной военный конфликт – Кавказская война. События войны предстают перед нами как верстовые столбы на пути к «умиротворению» края, переходу к его полномасштабной социально-экономической и культурной интеграции в пространство Российской империи. Несмотря на то, что военные действия на Северо-Западном Кавказе продолжались до 1864 г., наиболее значимым и знаковым стал удачный штурм «последнего пристанища» Шамиля – высокогорного аула Гуниб. Приступ горной твердыни кончился пленением имама 25 августа 1859 г. Взятие Гуниба стало символом славы русского оружия. Даргинский поход 1845 г. не менее известный эпизод Кавказской войны, который стал примером трагедии, военной катастрофы русской армии. Штурм Гуниба также тесно связан с именем А.И. Барятинского, как поход в Дарго – с именем М.С. Воронцова. В период 1845–1859 гг. позиции Российской империи в крае постоянно укреплялись как военными, так и гражданскими средствами. Благодаря созидательной деятельности первого Кавказского наместника М.С. Воронцова путь от Дарго до Гуниба стал далеко не только «тропой войны». В данной работе мы анализируем кавказскую политику М.С. Воронцова, выявим ее роль в окончании Кавказской войны.

Негативный образ М.С. Воронцова, который продолжает иметь хождение в исторической литературе [1] и публицистике, во многом сложился под впечатлением от даргинской катастрофы 1845 г. [2]. М.С. Воронцов не был инициатором и горячим сторонником этого похода. План экспедиции был разработан в Санкт-Петербурге, новый наместник не мог отказаться от его выполнения. Сразу после приезда на место службы сомнения М.С. Воронцова в реалистичности и выполнимости плана похода в Дарго только усилились. «Повергните меня к стопам Его Величества, – писал граф М.С. Воронцов военному министру и председателю Кавказского комитета графу А.И. Чернышеву, накануне выступления в поход, – я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность» [3].

Очевидно, что даргинская неудача имела важное значение для определения основных векторов дальнейшей политики М.С. Воронцова на Кавказе. Если до похода М.С. Воронцов, возможно, и питал иллюзии относительно эффективности проведения масштабных военных экспедиций в отрыве от систематической работы по гражданскому обустройству края, то после Дарго они рассеялись окончательно.

К 1840-м гг. необходимость кардинального преобразования управления Кавказом стала осознаваться не только местными офицерами и чиновниками, но и петербургскими вельможами. Император Николай I во время своей поездки по Кавказу в 1837 г. мог лично убедиться в наличии системного кризиса политики России в крае. Уже после назначения М.С. Воронцова Кавказским наместником император в частном разговоре отмечал: «После моей поездки на Кавказ в 1837 г. я видел, что надобно было принять другие меры для управления этим краем. Дела шли хуже и хуже» [4]. Учреждение наместничества на Кавказе

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Управление полиэтничным макрорегионом России: имперский и советский опыты и современные проблемы» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012-2014 гг.

было серьезной победой сторонников регионализма в вопросе поиска оптимальной модели управления краем. Наместник обладал огромной властью: он был главнокомандующим, а также стоял во главе гражданской администрации. Наместник имел право принимать решения министерской компетенции и право прямого обращения к императору (хотя чаще наместник обращался в высший центральный орган управления краем – Кавказский комитет) [5].

Несмотря на невиданную самостоятельность, наместник в специфических условиях Кавказа, где от быстроты принятия решений зависело очень многое, тяготился опекой Петербурга. Принимая то или иное важное решение, М.С. Воронцов часто с иронией добавлял «...Хорошо и то, что мне не надо спрашивать об этом в Петербурге» [6]. При этом надо отметить, что М.С. Воронцову самостоятельности и авторитета добавляло огромное личное доверие Николая I. В высочайшем рескрипте на имя М.С. Воронцова император отмечал, что назначает его на этот пост «...в полном доверии к лицу Вашему...» [7].

Именно с назначением М.С. Воронцова на Кавказ Николай I связывал надежды на победоносное окончание Кавказской войны и «замирение» Кавказа. «Я уверен, что действия Ваши и на сем новом поприще будут сопровождаться такими же успехами, какими до ныне всегда ознаменовывалась долговременная, полезная престолу и Отечеству служба Ваша», – писал император М.С. Воронцову [8].

Действительно, ко времени назначения на должность Кавказского наместника М.С. Воронцов имел богатый военный и, что было не менее важно, административный опыт. Он служил на Кавказе еще под началом П.Д. Цицианова, с которым состоял также в дружественной переписке [9]. С уверенностью можно сказать, что Кавказ не был для М.С. Воронцова чем-то новым и неведомым. Крайне неубедительно выглядят утверждения о том, что наместник не был знаком с местной спецификой [10]. В административной деятельности М.С. Воронцов имел положительный опыт управления Новороссией.

Свои политические и административные идеи М.С. Воронцов, получивший образование в Великобритании, черпал из английского опыта организации управления Индией и взглядов английских интеллектуалов-«ориенталистов», которые в это время были широко представлены в парламентских дебатах [11].

М.С. Воронцов, разбиравшийся в кавказских реалиях лучше, чем кто-либо из его предшественников, отмечал, что «... всякая перемена и всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно к введению везде, но особенно в здешнем крае, а потому в подобных случаях надобно действовать с большой осторожностью. Насильственные меры не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия» [12]. М.С. Воронцов был последовательным сторонником того, чтобы система управления Кавказом не только вводилась, но и разрабатывалась непосредственно в крае, местными чиновниками и офицерами. Только так можно было избежать повторения истории с катастрофическими преобразованиями сенатора П.В. Гана, смысл которых заключался в нехитрой операции применения к Кавказу общеимперских управленческих шаблонов. В черновых письмах М.С. Воронцова к его секретарю В.С. Сафонову мы можем прочитать: «Предположение – заняться в Петербурге преобразованием теперешнего порядка гражданских дел у нас – весьма меня пугает; они сделают ералаш» [13].

В соответствии с этими принципами М.С. Воронцов всегда стремился к максимально эффективному использованию местных уроженцев в качестве чиновников коронной администрации, привлекая их к разработке, подготовке и реализации законодательных и административных положений. Однако прежде чем использовать местный элемент в управлении края, необходимо было дать ему достаточные возможности к получению необходимых знаний.

Новый командующий по вступлению в должность выразил неудовлетворение состоянием дел в области народного просвещения, констатировав следующее: «Не скрою от В.И.В., что учебная часть за Кавказом находится не в том положении, в каком бы желательно ее видеть и в каком она должна быть, сообразно видам правительства и потребности сего края» [14].

Чиновники администрации наместника при его непосредственном участии составляют проект «Положения о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи» [15]. Трудно переоценить значение, которое придавалось делу обучения кавказских уроженцев. В формировании положения по их обучению, а затем в их служебном устройстве участвовали высшие сановники Российской

империи. Этот вопрос лично контролировал сам император, который торопил Кавказский комитет с принятием положения о воспитании кавказских уроженцев [16].

После обсуждения в Кавказском комитете положение было доработано и введено в действие 21 июля 1849 г.

Кавказские уроженцы после успешного окончания обучения отправлялись в распоряжение Кавказского наместника, который определял для них место службы. При этом кавказские воспитанники, обучавшиеся за казенный счет, после окончания учебы обязаны были прослужить в крае не менее шести лет [17]. Среди кавказских воспитанников предполагались и те, «кои приготавливаются не для службы, но для занятий торговых, хозяйственных, ремесленных..., обязаны весь определенный срок употребить для подобных занятий в том же крае» [18].

На обучение в высшие учебные заведения империи, как и в кавказские училища и гимназии, принимались не только кавказцы, но и дети русских дворян, офицеров и чиновников «...беспорочно служащих или умерших на службе в том краю» [19].

М.С. Воронцов стремился к наиболее широкому распространению образования и просвещения на Кавказе. Несмотря на то, что кавказские социальные элиты «искренне и добровольно приняли имперские идеалы и с готовностью предложили свою помощь на поприще претворения их в жизнь» [20], замыкание имперской «цивилизаторской миссии» только на аристократических слоях было бы недальновидно сразу по нескольким причинам. Во-первых, социальные процессы, происходившие в кавказских обществах, серьезно подорвали влияние традиционной родовой аристократии среди горцев. Во-вторых, «учебная часть» во многом развивалась исходя из растущих потребностей местной коронной администрации, которой были необходимы квалифицированные кадры в немалых количествах. Сам наместник так писал о сущности проводимой им образовательной политики: «Главная же цель состоит в большем распространении уездных училищ и учреждений со временем приходских, дабы, сколь возможно более, разлить образование в народе» [21].

Свое внимание М.С. Воронцов обратил и на проблемы развития женского образования и просвещения на Кавказе.

В 1840 г. девичий пансион в Тифлисе был преобразован в Закавказский Девичий Институт на 60 казенно-коштных и 20 своекоштных воспитанниц. Однако к прибытию М.С. Воронцова на Кавказ это учебное заведение имело в своем составе лишь 40 казенно-коштных воспитанниц. Вскоре стараниями администрации наместника число казенно-коштных воспитанниц было увеличено до 60. Увеличилось и количество своекоштных воспитанниц. К 1850 г. в институте на частный счет обучалось 28 учениц.

Институт стал для наместника семейным делом. Супруга М.С. Воронцова, княгиня Елизавета Ксаверьевна, согласно воле императора Николая I, приняла «ближайший надзор за нравственным и физическим воспитанием девиц Закавказского Девичьего Института» [22]. При М.С. Воронцове институт получил новое здание, которое было спроектировано архитектором, специально назначенным для этого лично наместником. В предыдущие годы институт терпел значительные неудобства от размещения в зданиях, не предназначенных для ведения обучения.

При М.С. Воронцове на Кавказе появились первые российские учебные заведения для детей мусульманского вероисповедования. Первые два училища (отдельно для суннитов и шиитов) были открыты в 1847–1848 гг. в Тифлисе. Тифлис был избран местом основания первых мусульманских училищ как центр империи на Кавказе, где наместник мог внимательно следить «за ходом и успехом этого заведения» [23]. В течение 1849 г. были открыты еще 7 подобных учебных учреждений [24], а общее число воспитанников мусульманских училищ составило 586 человек [25].

Образовательная политика М.С. Воронцова наглядно демонстрировала жителям Кавказа заинтересованность империи в крае и его населении. Кавказские уроженцы заняли видное место в имперских структурах, среди них появились представители новых для региона профессий: юристы, инженеры, врачи. Развитие европейского образования и просвещения на Кавказе способствовало становлению качественно новых ценностных ориентиров, эстетических вкусов, культурных запросов населения.

Еще одним из основных направлений многосторонней деятельности М.С. Воронцова стала реорганизация меновой торговли на Северном Кавказе. К 1845 г. меновая торговля в регионе не только не получила должного развития, но, напротив, находилась в упадке [26].

Наместник поручил подготовить «соображения» по активизации меновой торговли статского советника В.В. Швецова. Он уже долгое время служил на Кавказе и был хорошо знаком с краем [27]. В 1826–1827 гг. В.В. Швецов являлся начальником Кабарды. Кроме административного опыта, В.В. Швецов выделялся среди других чиновников основательными историко-этнографическими знаниями о Кавказе. Неслучайно в 1855 г. в журнале «Москвитянин» была опубликована его работа «Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе» [28]. Рассчитывая на опыт и познания своего подчиненного, М.С. Воронцов надеялся на «прочное основание к развитию нашей торговли с горцами» [29].

Согласно проекту В.В. Швецова «торговая промышленность» должна была «заставить» горцев сблизиться с российскими обычаями и правовыми нормами. С развитием торговли народы Кавказа «ознакомятся с новыми нуждами», удовлетворение которых позволит преодолеть их «наклонность к грабежу», а также оценят новые пути к жизни в достатке и благоустройстве. Итогом реорганизации торговли на подобных началах В.В. Швецову виделась существенная общая польза, взаимное доверие, миролюбивая жизнь горцев [30].

Практические меры, которые предлагались для реформирования меновой торговли на Северном Кавказе, состояли в следующем:

1. Торговля строилась на свободных отношениях между горцами и русскими купцами, промышленниками, которые не подвергались административному регулированию.
2. Пункты меновой торговли располагались в непосредственной близости от городов и укреплений Кавказской линии, т.е. непосредственно в приграничных территориях, легкодоступных для кавказских жителей.

Горцы привозили на меновые дворы лес, медь, воск, бурки, войлок, самодельное сукно, конские уборы, масло, сало, лошадей, мелкий скот. Продуктами обмена русских купцов и промышленников являлись сафьян, холст, платки, низкой цены шелковая и бумажная материя, ножницы, зеркала. Масштабы торговли на меновых дворах и число приезжающих горцев были внушительны. Так, в 1849 г. на нальчикском меновом дворе в торговых операциях приняло участие более 21 тысячи горцев [31].

В 1847 г. действие «Положения о меновой торговле с горцами» было распространено и на земли Черноморского казачьего войска. При этом пункты меновой торговли были учреждены непосредственно на кордонной линии, но купечеству было позволено торговать и за пределами Черноморской кордонной линии, на землях черкесских племен [32]. Русские купцы охотно пользовались этой возможностью [33].

В ходе торговых операций русские и горцы вступали в отношения, которые были много содержательнее обычного товарообмена. Жизнь и быт местных жителей, вступающих в мирные контакты с переселенцами, претерпевали изменения. Этим горцам, как писал в октябре 1850 г. начальник Черноморской Кордонной линии генерал Г.А. Рашпиль, «...трудно теперь стать в уровень с теми горцами, которые незнакомы ни с какими удобствами жизни» [34].

Как и образовательная политика М.С. Воронцова, реорганизация торговли преследовала цель культурной конвергенции представителей различных народов Кавказа.

Деятельность М.С. Воронцова на Кавказе была многогранной: он сооружал мосты и дороги, многое сделал для развития Кавказских минеральных вод, при нем были открыты библиотеки, театр, начали выходить газеты и другие периодические издания.

Безусловно, в годы наместничества М.С. Воронцова военные действия на Кавказе не прекращались. Значение рассмотренной деятельности Кавказского наместника состоит в том, что она стала эффективным дополнением непрекращавшегося военного давления на горцев. Усилия М.С. Воронцова способствовали сужению поддержки Шамиля и, напротив, расширили ряды приверженцев империи. Поэтому у нас не вызывают недоумения свидетельства того, что сам князь А.И. Барятинский однажды произнес: «Мне досталась жатва Воронцовского посева!» [35].

К катастрофе Дарго привел расчет на силу оружия, к славе Гуниба – терпеливая созидательная работа.

Примечания:

1. См. например: Ганич А.А. На службе двух империй: жизнь генерала Мусы Кундухова // Восток. 2008. № 4. С. 110.

2. Очевидно, что не менее значимой причиной непопулярности личности М.С. Воронцова стали созданные А.С. Пушкиным и Л.Н. Толстым негативные литературные образы графа.
3. Цит. по: Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб, 2001. С. 51.
4. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М., 1892. С. 388.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. СПб., 1846. С. 17-19.
6. Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. 1894. № 5. С. 198.
7. Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 63.
8. Там же.
9. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI. М., 1890.
10. Ганич А.А. На службе двух империй: жизнь генерала Мусы Кундухова // Восток. 2008. № 4. С. 110.
11. Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь, 2009. С. 156.
12. Цит. по: Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 89.
13. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М., 1892. С. 410.
14. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. С. 841.
15. РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 28.
16. Там же. Л. 75-76.
17. Там же.
18. Там же. Л. 183.
19. Там же. Л. 163.
20. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1. (33). М., 2004. С. 33.
21. АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 855.
22. Там же. С. 125.
23. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 127.
24. В Дербенте два училища, в Баку – одно, Шемахе – два, в Шуше и Елизаветополе по одному.
25. АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 897.
26. РГИА. Ф.1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 192.
27. Там же.
28. См.: Швецов В.В. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. Нальчик, 2010.
29. РГИА. Ф.1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 193.
30. Там же.
31. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик, 2005. С. 14.
32. РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 11. Л. 411.
33. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. (заселение и хозяйство). Ростов н/Д, 1977. С. 197.
34. Цит. по: Покровский М.В. Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX вв. и её отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956. С. 26.
35. Русская старина. Т. XXX. 1881. С. 909.

Between Dargo and Gunib: M.S. Vorontsov's Activities in the Caucasus

Amiran T. Urushadze

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006
Junior Researcher
E-mail: urushadze@ssc-ras.ru

Abstract. The article considers M.S. Vorontsov's politics within the Caucasus and its role in the victory over Shamil's imamate.

Keywords: Vorontsov, Caucasus vicegerency, Caucasian War.

UDC 94 (470.6)
